

Старейшина Цинши машинально обернулся и увидел, что Инь Линцзюнь наклонился, чтобы поднять связку амулетов-колокольчиков с серебряными кисточками.

Ли Хуайфэн заботливо поинтересовался:

— Что случилось?

Инь Линцзюнь растерянно моргнул:

— Кажется, шнурок развязался.

Ли Хуайфэн усмехнулся и обратился к старейшине Цинши:

— Ну что ж, Ши, разбирайся дальше с делами младших, мы пойдем.

— Слушаюсь, — ответил старейшина. Дождавшись, пока Ли Хуайфэн и остальные уйдут, он повернулся к Сун Е и его спутникам, которые все еще с надеждой ждали вердикта, и строго произнес: — Никаких духовных камней у него при себе нет.

Сун Е остолбенел:

— Как... как такое возможно? Это же он...

Шэнь Чжи опустил голову, скрывая усмешку, а когда снова поднял взгляд, на лице его отразилось полное недоумение:

— Брат Сун, зачем же наговаривать на меня? Я никогда не отбирал у вас камни и тем более не бил вас! К тому же, разве я один смог бы одолеть шестерых? Это абсурд.

Сун Е не ожидал, что этот мерзавец окажется настолько бесстыдным. Он уже хотел было выпалить: — А откуда тогда наши травмы? — но тут же вспомнил, что Шэнь Чжи бил их исключительно в живот. Внешних следов не было, а внутренние повреждения оказались не настолько серьезными, чтобы предъявить их в качестве доказательства.

Он оказался в положении человека, который жует горькую траву — слов много, а пожаловаться некому.

— Довольно, — старейшине Цинши надоели препирательства учеников. Он потер виски и отрезал: — Раз это недоразумение, считайте инцидент исчерпанным.

Сун Е стиснул зубы и был вынужден склонить голову:

— ...Слушаюсь.

Видя его состояние, старейшина нахмурился:

— Через месяц состоятся малые состязания четырех сект, где вам придется сразиться с братьями из других школ. Если вместо того, чтобы усердно тренироваться, вы будете тратить время на подобные пустяки, не позором ли это обернется для нашего Шаньичэна?

Шэнь Чжи поспешно склонил голову:

— Ученик не посмеет.

После его слов Сун Е понял, что если продолжит возмущаться, старейшина невзлюбит его еще больше, поэтому поспешно добавил:

— Ученик будет усердно совершенствоваться! — при этом он не удержался и бросил на Шэнь Чжи злобный взгляд.

Подумаешь, у него отобрали камни — тренироваться теперь вообще не на чем!

Но старейшина Цинши, решив, что это всего лишь недоразумение, холодно отчитал их еще за что-то и велел возвращаться в Шаньичэн.

Шэнь Чжи отряхнул пыль с одежды и только поднялся, как услышал:

— Тебя зовут Шэнь Лан?

Шэнь Чжи обернулся. Это был Мэн Ань. Он небрежно кивнул. Мэн Ань посмотрел на него, губы его дрогнули, и лишь спустя долгое время он спросил:

— Ты знаком с человеком по имени Шэнь Хэн? — при упоминании этого имени его взгляд стал холодным и пронзительным.

Мэн Ань сам не понимал, зачем спрашивает об этом незнакомого юношу — они совсем не похожи. Однако манера речи этого Шэнь Лана напомнила ему Шэнь Хэна. Того самого, что втерся к нему в доверие, а затем наложил заклятие глубокого сна.

Шэнь Чжи приподнял бровь:

— Кто это?

Мэн Ань помолчал, затем холодно бросил:

— Неважно. Иди. — Он закинул меч за спину и быстрым шагом спустился по ступеням, мгновенно скрывшись из виду.

Шэнь Чжи проводил его взглядом, улыбка медленно сползла с его лица, и он в одиночестве направился в Шаньичэн. Едва дойдя до коридора, он увидел у дверей своей комнаты толпу. Когда он расправился с шестеркой Сун Е, шума было немало: помимо грохота падающих тел, стояли истошные вопли. Неудивительно, что это привлекло внимание Мэн Аня. В конце концов, он сам когда-то был в том возрасте и прекрасно понимал желание поглазеть на драку.

Но понимание не означало, что ему это нравится.

— Эй, он вернулся!

— Так быстро?! Я думал, старейшина Цинши их накажет!

— Даже если не сурово, то хоть какое-то наказание должно было быть, посмотри на его лицо...

Шэнь Чжи проигнорировал галдящих юнцов и вошел в комнату. Стоило ожидать, что после поглощения такого количества духовных камней лицо будет бледным. А эти мальчишки, у которых еще хватает духу глазеть на чужие беды... раз он забрал камни у шестерки Сун Е, им придется искать другие. А учитывая характер этого недотепы, способ найдется один — грабеж.

Хе, интересно, кто станет следующим бедолагой, которого они обчистят?

Хотя чужие неприятности его не касались, Шэнь Чжи никогда не был милосердным. После того случая никто в Шаньичэне больше не смел его задирать, не говоря уже о том, чтобы попытаться завести дружбу. Следующие десять с лишним дней он жил уединенно и вольно, а духовная сила в его золотом ядре с каждой тренировкой становилась все мощнее.

Но этого все еще было мало.

Шэнь Чжи стоял у озера Хуаньхуа, заложив руки за спину. Слегка наклонившись, он коснулся пальцем водной глади — по воде пошли круги, а затем, после резкого толчка, несколько стеблей лотоса переломились.

Переход от стадии закладки фундамента к золотому ядру — это препятствие, но лишь крошечный ручеек. А вот путь от золотого ядра к стадии зарождения младенца — это море, куда более бескрайнее, чем это озеро. Этого все еще недостаточно. Ему нужно стать сильнее, чтобы удержать жизнь, которую он с таким трудом вернул.

— Опять ты!

Внезапно раздался голос. Шэнь Чжи выпрямился и обернулся.

Он был удивлен, ведь озеро Хуаньхуа разделяло мужскую и женскую половины — Шаньичэн и Шуйичэн. Без особой нужды ученикам запрещалось переходить границу, а тут он услышал голос девушки на своей территории.

К тому же, голос был до боли знакомым.

Шэнь Чжи бесшумно подошел ближе и услышал, как кто-то, тяжело дыша, умоляет:

— Я ошибся, но я правда не могу без камней!

Услышав этот голос, Шэнь Чжи понял, что это Сун Е, и приподнял бровь: этот недотепа снова взялся за старое.

— Если ты не можешь, почему другие должны страдать? — Цзян Наньюй, чьи черты лица были холодными и изящными, держала в руке сияющий длинный меч. — Ты обманом выманил у девушки камни для тренировок, неужели твоя совесть молчит?!

Шэнь Чжи, скрестив руки на груди, спрятался за искусственной горой и едва не рассмеялся.

Ха-ха, ничтожество остается ничтожеством. Даже грабить решается только тех, кто слабее.

— Ты не понимаешь, у меня ведь тоже отобрали камни! — Сун Е едва не плакал. Он был настолько хорош собой, что мог соперничать с любой девушкой, и сейчас, жалко описывая, как его обидел Шэнь Чжи, он приукрасил историю так, что чуть не растрогал даже мимо проходящего Шэнь — «хладнокровного демона».

Цзян Наньюй дослушала его и спокойно сказала:

— Если он забрал твои камни, иди и потребуй их обратно. Если хочешь убить его — твое дело. Но это не касается моей младшей сестры. Верни её камни, иначе мой меч Жошуй не будет знать жалости.

Меч Жошуй был личным оружием Цзян Наньюй, духовным артефактом высшего класса.

После достижения стадии золотого ядра можно было отправиться в Пещеру Сотни Оружий у реки Мошуй, чтобы найти свой артефакт. Но артефакты высшего класса были не только редкостью — для управления ими требовался высший духовный корень, поэтому во всей секте Сыцзин они были только у него и у Цзян Наньюй.

— Хорошо... хорошо, я сейчас верну... — Сун Е поспешно достал поясной мешочек и высыпал на землю кучу камней разного размера, а затем протянул их Цзян Наньюй. Та безразлично приняла их, но взгляд её задержался на пустом мешочке, брошенном на землю.

Она нахмурилась:

— Ты из семьи Сун из Янчжоу? Твоего отца зовут Сун Вэйюань?

Сун Е поразился:

— Старшая сестра знает моего отца?

Цзян Наньюй подняла голову, взгляд её затуманился, словно она вспоминала что-то из далекого прошлого. Спустя мгновение она холодно ответила:

— В юности я была обязана твоему отцу жизнью. — С этими словами она порылась у себя на поясе, достала еще один мешочек и высыпала его содержимое.

Там было около пятидесяти камней разного размера, кристально чистых, белых, как жемчуг, сияющих ярче лунного света.

Сун Е остолбенел.

Цзян Наньюй сказала:

— Забирай. Это мой долг твоему отцу.

Шэнь Чжи смотрел на эти камни, и на мгновение ему самому стало трудно отвести взгляд. Хотя он не нуждался в них, для того, кто еще не заложил фундамент, такого количества камней хватило бы, чтобы прилежно тренируясь, достичь средней стадии закладки фундамента за десять-пятнадцать дней.

Эта Цзян Наньюй была невероятно щедра.

\*\*\*

Приближались состязания четырех сект, и большинство учеников Шаньичэна целыми днями пропадали в своих комнатах за тренировками. Шэнь Чжи же знал, что с его уровнем золотого ядра поглощение камней подобно бросанию камней в бездонный океан — никакой пользы.

Поэтому он стал самым нерадивым учеником в Шаньичэне.

В то время как остальные ученики уже начали бороться за задания секты, чтобы заработать камни, Шэнь Чжи всегда подходил к Фу Циню, выдававшему задания, лишь после того, как все остальные разбирали свитки, и неторопливо спрашивал:

— Старший брат, есть еще задания?

Фу Цин развел пустыми руками и виновато произнес:

— Больше нет. Младший брат, приходи в следующий раз.

— В следующий раз? — раздался насмешливый голос. Хотя он был тихим, он не ускользнул от ушей Шэнь Чжи. — Он? Да он и в следующей жизни не дождетсЯ задания!

Шэнь Чжи оставил это без внимания.

— Ладно, — Сун Е, улыбаясь, обратился к тому, кто смеялся: — Брат Кунь, мы оба уже на стадии закладки фундамента, к чему спорить с обычным человеком.

— Ха-ха, верно. Не подскажешь, какой уровень задания тебе достался и какая награда?

— Второй уровень, награда — тридцать духовных камней.

— Ты первым среди нашего поколения достиг стадии фундамента, для тебя эти тридцать камней — сущие пустяки.

— Что ты, брат Кунь, ты мне льстишь...

Они, конечно, не знали, что их самовосхваление было услышано. Шэнь Чжи прислонился к толстому стволу дерева у озера Хуаньхуа, прикрыв глаза, словно ленивый кот. Выглядел он беспечно, но никто не замечал его острых когтей. Если бы обстоятельства позволяли, он бы с удовольствием выпустил их и разодрал бы этих шумных болтунов в клочья.

— Кстати, младший брат Шэнь.

Фу Цин внезапно окликнул его. Шэнь Чжи медленно открыл глаза и небрежно отозвался:

— М-м?

В руках Фу Цина внезапно появился еще один свиток, но вид у него был смущенный. Поколебавшись, он осторожно спросил:

— Тут есть еще одно задание, но награда немного... тебе оно нужно?

Шэнь Чжи посмотрел на свиток и промолчал.

Видя, что тот медлит, Фу Цин решил, что его не устраивает награда, и поспешил объяснить:

— Это задание прислали только что, награда — флакон первоначального духовного лекарства. Оно не увеличивает силу, как камни, но отлично заживляет раны.

Первоначальное лекарство? Шэнь Чжи не особо нуждался в нем, но сидеть безвылазно в Шаньичэне было бесполезно для практики. Поэтому он кивнул.

Фу Цин передал ему свиток:

— Здесь детали задания и информация о заказчике. Ознакомься. Выдвигаться нужно не позднее часа свиньи завтрашнего дня.

Шэнь Чжи кивнул:

— Хорошо, спасибо, старший брат.

Задания для учеников такого уровня обычно не представляли сложности — мелкие духи или демоны, которых можно было сжечь парой заклинаний.

Фу Цин улыбнулся и удалился.

Скоро должен был начаться урок целительства у Инь Линцзюня, поэтому Шэнь Чжи спрятал свиток в пространственный мешочек и вместе с остальными направился в Сюэигэн.

Сейчас он скрывал свою силу, поэтому для всех он оставался бездарностью, которая не могла заложить фундамент, сколько бы камней ни поглотил. Но высший духовный корень оставался высшим, поэтому даже старейшина Цинши лично приходил утешить его, говоря, что время еще не пришло, и призывал не торопиться.

Хе, кто-кто, а он точно не торопился.

Когда Шэнь Чжи занял место за столом, Инь Линцзюнь еще не пришел, а ученики уже начали ворчать, мол, почему бессмертный снова опаздывает. С их первого занятия, если урок вел Инь Линцзюнь, им приходилось ждать его не менее четверти часа.

От нечего делать Шэнь Чжи развернул свиток.

«Достопочтенным бессмертным секты Сыцзин: в окрестностях горы Кэяо в Мочжоу творятся странные вещи. Каждый день в полночь на улицах появляется карета, в которой сидит женщина в свадебном наряде. Она смеется и поет погребальные песни, а если присмотреться — у неё нет шеи, что выглядит ужасающе. Просим прислать ученика с глубокими познаниями, дабы избавить нас от напасти. Благодарю от лица народа Мочжоу — Лань Юйтан из клана Лань».

Шэнь Чжи приподнял бровь. Он думал, что задание с такой наградой будет несложным. Обычно такие поручения исходили от местных семей заклинателей, которые уже знали, с каким духом имеют дело, но ленились заниматься этим сами, нанимая молодых учеников. Например, однажды он ловил дикого призрака, который воровал картофель у фермеров.

Призрак появлялся нерегулярно, и чтобы поймать его, нужно было несколько ночей дежурить на огороде. Для изнеженных учеников знатных семей это было хуже пытки, поэтому они обратились в секту Сыцзин, и задание досталось Шэнь Чжи.

Тогда Ли Хуайфэн, узнав, что он взял нежеланное задание, спросил, не потому ли он это сделал, что все хорошее разобрали другие.

Он ответил: нет, просто потому что это показалось забавным.

Как и это задание сейчас.

Он неторопливо убрал свиток, поднял голову и увидел, что Инь Линцзюнь уже сидит за столом и отвечает на вопросы учеников. В Шаньичэне было немало любознательных, и они постоянно донимали Инь Линцзюня вопросами, совершенно не боясь холодного бессмертного, чем вызывали у Шэнь Чжи искреннее восхищение.

— Бессмертный! — громко спросил один ученик, так что слышно было во всем дворе. — Существует ли в мире лекарство, способное воскресить мертвого?

Шэнь Чжи, который до этого витал в облаках, невольно посмотрел на Инь Линцзюня. Он заметил, что, несмотря на привычное бесстрашие, лицо Инь Линцзюня сегодня выглядело неважно — оно было еще бледнее обычного, хотя обычный человек этого бы не заметил.

— Воскресить? — Инь Линцзюнь повторил вопрос, глядя на ученика. Через мгновение он покачал головой: — Нет. Жизнь подобна пыли — легко развеять, трудно собрать.

Ученик не унимался:

— А? Если человек умер, то это навсегда?

Губы Инь Линцзюня стали еще бледнее. Он хотел что-то сказать, но вдруг кто-то вскрикнул:

— Бессмертный! У вас на виске!

Ученики вскочили. Кожа Инь Линцзюня была белоснежной, и струйка крови на виске выглядела пугающе. Подростки никогда не видели подобного и запаниковали. Шэнь Чжи тоже нашел этот вид неприятным, но, в отличие от остальных, он не стал беспокоиться о растерянном Инь Линцзюне, а лишь на мгновение замер, после чего отвел взгляд, сжав пальцы в кулаки.

— Кто-нибудь, позовите Даоцзуня! — крикнул кто-то.

— Не нужно, — холодный голос Инь Линцзюня прервал шум, и ученики мгновенно замолчали.

— Но, бессмертный...

— Я в порядке. — Он коснулся виска пальцем, и после вспышки белого света кровь бесследно исчезла. Услышав звук циркуляции духовной энергии, Шэнь Чжи снова взглянул на него и застыл. Выражение лица Инь Линцзюня резко изменилось — теперь в нем читалась холодная решимость.

Инь Линцзюнь холодно произнес:

— Никогда не поддавайтесь панике и спешке. Спокойствие — основа пути. Вы забыли все, чему я учил вас на уроках чистоты? — Он сделал паузу, слегка нахмурился и добавил: — Так и быть, каждый из вас перепишет наставления по сто раз и сдаст мне до конца занятия.

Сто раз?! Это же десятки тысяч иероглифов! Ученики были в отчаянии, но не посмели спорить:

— Слушаемся, бессмертный.

Раздав наказание, Инь Линцзюнь собрался уходить. Он сделал шаг, как вдруг услышал ленивый голос:

— Бессмертный, я не паниковал и не спешил, я был невозмутим, как скала. Мне тоже нужно переписывать?

Инь Линцзюнь остановился и обернулся. Шэнь Чжи крутил в руке кисть, глядя на неё, будто просто бросил фразу невзначай. Однако, поймав его взгляд, он тут же поднял голову, прищурился и улыбнулся, в глазах его читалась насмешка.

Холодные глаза Инь Линцзюня долго буравили Шэнь Чжи. Когда ученикам уже стало казаться, что весь двор сковало морозом, бессмертный наконец ответил:

— Как хочешь. — С этими словами он взмахнул рукавом и ушел.

Как только он скрылся из виду, двор наполнился жалобами на несправедливость Инь Линцзюня. Кто-то предположил, что у бессмертного сегодня просто плохое настроение — обычно он не был таким суровым.

Шэнь Чжи не хотел слушать эти сплетни, но уши не заткнешь. Он вдруг подумал, что ученики правы — Инь Линцзюнь сегодня был странным.

Особенно после вопроса о «воскрешении»...

Воскрешение... неужели это как-то связано с ним?

Шэнь Чжи почувствовал раздражение. Он бросил кисть, подумав с мрачной усмешкой, что переписывать тысячи иероглифов ему не нужно, а тренировки подождут — лучше проследить за Инь Линцзюнем.

Если это угрожает ему самому — нужно заранее продумать план.

\*\*\*

После ухода Инь Линцзюня в павильоне стояла тишина, нарушаемая лишь шорохом кистей по бумаге. Ученики, боясь не успеть переписать наставления, усердно работали и не заметили, что Шэнь Чжи, притворившийся спящим, на самом деле уже покинул свое тело.

Выход души из тела звучал мистически, но это был первый навык, который осваивал каждый практик стадии золотого ядра. Заклятие было временным — не более часа, иначе можно было повредить душу или навлечь беду на физическое тело.

Большинство практиков после выхода души вселялись в какой-нибудь предмет, чтобы защитить хрупкую субстанцию. Но у Шэнь Чжи не хватало одной души и части духа, поэтому вселиться ни во что он не мог — ему приходилось странствовать в своем истинном облике.

Прозрачная, призрачная душа вышла из павильона и, не задумываясь, направилась в одну сторону.

<http://bllate.org/book/18833/1833679>